

ЭТНИЧЕСКИЕ ДИАСПОРЫ: АДАПТИВНЫЙ И ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ *

М.И. Черепанова, А.А. Горбунова

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: cher_67@mail.ru, gorbunova@mail.ru*

Социальная значимость научных исследований этнических сообществ вызвана тем, что диаспоральность становится распространенным стационарным явлением в большинстве стран мира. Научный дискурс проблематики направлен на анализ интегральных и конфликтогенных аспектов деятельности современных диаспор, которые будут определяться спецификой исторической, социально-экономической ситуации, обуславливаясь регионом проживания, особенностями межнациональной политики и пр. Целью представленного анализа явилась оценка отношений представителей диаспор шести регионов российского приграничья относительно успешности адаптации и интеграции мигрантов в принимающем сообществе. Анализируются отношения к детям мигрантов в учебных заведениях, мнения по поводу ограничения или стимуляции миграции в регионах. Представлен анализ мнений о мигрантах-нарушителях, о проблеме национальных анклавов и пр. Представленные результаты базируются на системном подходе, теории взаимозависимости в мировом развитии, суть которой заключается в формировании транснациональной структуры мирового сообщества.

Сделаны выводы об адаптивном и интеграционном потенциале региональных диаспор, представлены их дифференциальные оценки по целому ряду социально значимых вопросов, определяющих научное поле феномена транзитной миграции в исследуемых приграничных территориях РФ. Научная новизна предложенных результатов заключается в исследовании роли этнических сообществ, в сравнении с местным населением стран реципиентов, что может являться прогнозом эффективности интеграционных процессов и научной основой регуляции риска межнациональных конфликтов.

Практическая значимость заключается в возможности оптимизации деятельности диаспор для эффективного социального управления в области миграционной политики.

Ключевые слова: *миграция, транзит, мигрант, адаптация, адаптивные стратегии, диаспора, миграционная политика, трансграничные регионы.*

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, проектная часть государственного задания «Транзитная миграция, транзитные регионы и миграционная политика России: безопасность и евразийская интеграция» № 28.2757.2017/ПЧ (2017-2019).

ETHNIC DIASPORAS: ADAPTIVE AND INTEGRATIVE POTENTIAL IN CROSS-BORDER REGIONS OF RUSSIA

M.I. Cherepanova, A.A. Gorbunova

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: cher_67@mail.ru, gorbunova@mail.ru*

The social significance of scientific studies of ethnic communities is conditioned by the increase of diasporas becoming a common stationary phenomenon in most countries of the world. The scientific discourse of the problem is aimed at analyzing the integral and conflict-causing aspects of the activities of modern diasporas, which will be determined by the specificity of the historical, socio-economic situation, region of residence, features of interethnic policy, etc. The goal of the article was to analyze evaluations of representatives of diasporas in six regions of the Russian borderland about success of adaptation and integration of migrants in the host community. The set of indicators included attitudes towards migrant children in educational institutions, opinions about the restriction or stimulation of migration in the regions, attitudes towards illegal migrants, the problem of national enclaves. The presented results are based on a systems approach, the theory of interdependence in the world development, the essence of which is the formation of the transnational structure of the world community.

Conclusions about the adaptive and integration potential of regional diasporas are made, differential assessments on a number of socially significant issues that determine the scientific field of the phenomenon of transit migration in the border areas of the Russian Federation under study are presented. The scientific novelty of the proposed results consists in the study of the role of ethnic communities, in comparison with the local population of the recipient countries, which can be used in forecasting the effectiveness of integration processes and providing the scientific basis for regulating the risk of interethnic conflicts.

The practical significance consists in the possibility of optimizing the activities of diasporas for effective social management in the field of migration policy.

Key words: *migration, transit, migrant, adaptation, adaptive strategies, Diaspora, migration policy, cross-border regions.*

Введение

Согласно обобщенному мнению ученых в области политики, экономики, социологии, социальной психологии, на фоне роста международной легитимации, направленной на равновесие прав социальных акторов и государств, современные этнические диаспоры приобретают все большую стационарность, структурную и динамическую устойчивость. Диаспоральность становится объективным явлением, все более детерминирует многие вопросы межнационального, этнического, конфессионального согласия в современном мире. Складывается новая картина мира,

связанная с превращением планеты в единый социокультурный организм (Clifford, 2014).

Дисперсная диаспорная организация социумов начинает преобладать над преобладавшими ранее формами раздельного проживания. Все это выдвигает на первый план научный дискурс детерминант этнокультурных и религиозных идентичностей. Ситуация стремительно глобализируется, требуя инновационных научных, прикладных, управленческих решений.

Наиболее значимыми являются исследование базовых признаков диаспоры, в частности специфики двойственной самоидентификации со страной-преемницей и родиной мигрантов; анализ социального механизма функционирования сохранения и развития диаспор. Однако наиболее востребованным является изучение специфики стратегий эффективного взаимодействия с разнообразными социальными институтами стран-реципиентов, местным населением, формирующиеся новые социальные практики и пр.

Современные исследователи выделяют в эволюционном процессе диаспор общее и специфическое (Гринблат, 2004; Трофимова 2010; Тотолян, 2015). В частности базовой чертой диаспоральности остается динамика данного социального феномена, неизменно проходящего стадии развития, трансформации, ослабления. Специфика конкретных диаспор зависит от социально-экономического статуса региона проживания. Определяется приоритетами региональной этнической политики. Конвергенцией или дивергенцией социально-культурных особенностей. Зависит от социального, экономического, социокультурного, институционального потенциала той или иной диаспоры. Все это будет определять значимость влияния диаспоры в конкретной территории проживания мигрантов. Может быть свести в одну фразу?

Не теряет своей научной значимости исследование механизмов воспроизводства диаспор как социальных институтов, стратегии их саморегуляции (Brubaker, 2005; De Naas, 2010; Clifford, 2014; Kleist, 2008; Raghuram, 2009). К базовым компонентам, поддерживающим функционирование диаспор, относят идеологическую политику, направленную на сохранение этнической идентичности, координацию и консолидацию членов диаспор. Не менее значимыми остаются социальные и психологические детерминанты, включающие эмоциональный, поведенческий компонент, являющийся результатом формирования двойственной идентичности и пр.

В современном российском обществе все более активно идет формирование «новых диаспор», возникновение которые обусловлено глобальным ростом трансграничных миграций (Safran, 2011; Sinatti, Horst, 2015). Этнократическая специфика новых диаспор является основой потенциальных межнациональных конфликтов и противоречий (Ноянзина, Гончарова, Максимова, Авдеева, 2012).

Социологические исследования новых диаспор в современной России выявили тренды роста активности и политизации их деятельности. Именно в связи с этим большинство стран СНГ и Балтии приняли специальные документы, регулирующие взаимоотношения с собственными диаспорами и рассматривающих их как «фактор национального присутствия».

Теоретико-методологической основой исследования, фрагмент которого представлен в статье, является концепция взаимозависимости в мировом развитии (Д. Истон, У. Догерти), суть которой заключается в формировании транснациональной структуры мирового сообщества. С позиций С. Хоффмана, манипуляция с помощью взаимозависимости становится стратегическим средством. Эти стратегические средства С. Хоффман определяет как «игры на взаимозависимости». Кроме того, мы опирались на системный подход, который включает анализ проблемы на социально-психологическом, институциональном, государственном уровне. Значимой представляется теория «сосуществования культур», основанная на феномене ее множественности, одновременном принятии идеи равенства, разнообразия, иерархичности культур (Clifford, 2014). Мы разделяем также идею форумности, т.е. равноправия культур, каждая до которых обладает собственным достоинством и суверенностью (Clifford, 2015). Кроме того, крайне плодотворен конфликтологический подход, в частности Кеннета Боулдинга. Ученый выделяет следующие этапы анализа межнациональных конфликтов: детерминация причин, определяющих структуру и динамику конфликтов; коррекция, управление конфликтами, профилактирование их в дальнейшем.

Методы

Фрагмент анализа мнений проблем трансграничных миграций в шести территориях России проведен на основе социологического исследования, включающего опрос членов региональных диаспор, непосредственно возглавляющих общественные некоммерческие этнические сообщества, призванные способствовать интеграции мигрантов в регионах прибытия.

Исследование проведено в семи трансграничных регионах: Алтайский край, Мурманская область, Псковская область, Оренбургская область, Ростовская область, Республика Дагестан, Республика Алтай (2017–2018 гг.). Выборка многоступенчатая квотная, $N = 300$, возраст опрошенных представителей диаспор составил 25–60 лет. Использовалась социологическая анкета, включающая 47 вопросов. Вопросы были направлены на изучение отношения к детям мигрантов в учебных заведениях, ограничения возможности миграции, политики в отношении к нарушителям миграционного законодательства, формирования в регионах национальных анклавов, роли диаспор в межнациональной интеграции и пр. В статье приведен первичный анализ описательных статистик. Представлены обобщенные совокупные мнения членов диаспор, выявлена региональная специфика в их представлениях относительно роли этнических сообществ в процессах интеграции и адаптации мигрантов в конкретном регионе.

Результаты

Отношение диаспор к миграции и мигрантам

Около половины представителей диаспор (54,6%) отрицали наличие в школах их детей мигрантов. Более трети (34,6%) членов диаспор исследуемых приграничных территорий отметили, что вместе с их детьми учатся дети мигрантов, что

подчеркивает распространенность миграционных процессов, а также актуализирует проблему толерантного взаимодействия населения разного возраста. Каждый десятый представитель диаспор (10,0%) не владеет ситуацией и затрудняется ответить. Согласно региональным данным, в большей степени распространенность приезда мигрантов вместе с членами их семей, детьми представлена в Ростовской области (39,1%), Алтайском крае (42,7%), а также в Мурманской области (44,0%). Меньше всего детей мигрантов, обучающихся в учебных заведениях, выявлено в Оренбургской области (11,3%), Республике Алтай (22,2%), Дагестане (29,1%). Результаты свидетельствуют в целом о достаточно позитивной межнациональной обстановке в учебных заведениях регионов. Положительное отношение к детям мигрантов отметили 30,9%, скорее положительное — 48,5%. Однако 9,1% представителей диаспор отметили скорее отрицательное и 0,6% — отрицательное отношение. Таким образом, каждый десятый член диаспор (9,7%) не очень удовлетворен отношением, складывающимся к их детям со стороны принимающего сообщества. Данная тенденция отражает незначительный конфликтогенный потенциал между мигрантами и принимающим населением.

Примечательно, что представители диаспор все же более оптимистично оценивают межнациональные отношения по сравнению с населением приграничных территорий, что подтверждает социализирующую роль диаспор, подчеркивает значимую роль диаспор в адаптации и интеграции данного социального института в принимающем сообществе. Региональные особенности по вопросу отношения к детям мигрантов в целом совпадают с совокупным мнением диаспор. В Алтайском крае 31,3% представителей диаспор ответили, что положительно, скорее положительно — 50,7%, скорее отрицательно — 13,4%, отрицательно ответивших не выявлено. Затруднились ответить 4,5%. В Мурманской области члены диаспоры ответили, что положительно, — 32,6%, скорее положительно — 43,5%, скорее отрицательно — 10,9%, отрицательно ответивших респондентов, не выявлено. Затруднились ответить 13,0%. В Псковской области члены диаспор ответили, что положительно, — 44,8%, скорее положительно — 55,2%. В Республике Алтай члены диаспор ответили, что положительно, — 46,2%, скорее положительно — 30,8%. Скорее отрицательно — 7,7%. В республике ни один член диаспор не оценил отношения к детям мигрантов как отрицательные. Затруднились ответить 15,4%. В Республике Дагестан члены диаспоры ответили, что положительно, — 14,3%, скорее положительно — 47,6%, скорее отрицательно ответивших респондентов не выявлено, отрицательно — 4,8%. Затруднились ответить 33,3%. В Ростовской области подавляющее большинство членов диаспор ответили, что скорее положительно (28,6%) или положительно (49,0%). Таким образом, необходимо заметить, что в Оренбургской области выявлены наиболее полярные оценки в отношении к детям мигрантов в учебных заведениях этого региона, что требует дополнительного исследования причин данного явления. В наибольшей степени позитивное отношение к детям мигрантов выявлено в Псковской, Ростовской областях, а также в Республике Алтай, Алтайском крае. В целом члены диаспор всех регионов оценили отношения к их детям как более толерантное, чем население, что согласуется с нашими предыду-

щими исследованиями (Максимова, 2016; Черепанова, 2015). Оценивая свое личное мнение, члены диаспор показали следующие ответы: хорошо — 31,1%, скорее нормально — 42,7%, скорее негативно — 10,9%, негативно — 2,7%. Затруднились ответить 12,7%.

Члены диаспор оценивают уровень межнациональной толерантности к их детям достаточно высоко, значительно оптимистичней, чем опрошенные представители населения регионов. Так, среди населения выявлено в два раза больше жителей, акцентирующих плохое отношение к членам семей мигрантов в учебных заведениях. Таким образом, диаспоры являются базовым фактором в системе оптимизации межкультурных и межнациональных отношений. Оценивая свое личное отношение, диаспоры Алтайского края показали следующие ответы: относятся к детям мигрантов хорошо 22,5%, скорее нормально — 60,1%, скорее негативно — 4,2%, негативно — 2,5%, затруднились ответить 5,8%. Диаспоры Мурманской области показали следующие ответы: относятся к детям мигрантов хорошо 18,1%, скорее нормально — 54,3%, скорее негативно — 8,6%, негативно — 2,1%, затруднились ответить 7,3%. Члены диаспор Псковской области показали следующие ответы: относятся к детям мигрантов хорошо 23,1%, скорее нормально — 47,8%, скорее негативно — 10,1%, негативно — 2,5%, затруднились ответить 9,9%. Представители диаспор Ростовской области показали следующие ответы: относятся к детям мигрантов хорошо 28,2%, скорее нормально — 62,9%, скорее негативно — 4,6%, негативно — 1,1%, затруднились ответить 4,1%. Диаспоры Республики Алтай показали следующие ответы: относятся к детям мигрантов хорошо 23,1%, скорее нормально — 69,2%, скорее негативно — 3,8%, негативно — 0,8%, затруднившихся ответить не выявлено. Представители диаспор Республики Дагестан показали следующие ответы: относятся к детям мигрантов хорошо 27,2%, скорее нормально — 54,3%, скорее негативно — 3,%, негативно — 1,8%, затруднились ответить 6,4%. Сравнительный анализ показал, что диаспоры Алтайского края, Республики Алтай, Ростовской области, Дагестана продемонстрировали наиболее лояльное отношение к мигрантам и членам их семей. В то же самое время наибольший конфликтогенный потенциал можно прогнозировать в Мурманской, Оренбургской, Псковской областях, с точки зрения членов диаспор. Оценивая в целом уровень своей лояльности к миграции, представители диаспор отметили, что к ограничению приезда мигрантов в Россию относятся определенно за 8,5%, скорее за — 24,1%, скорее против — 31,1%, определенно против — 19,3%. Затруднились с ответом 17,1%. Таким образом, каждый второй член диаспор семи приграничных регионов позитивно относится к росту интенсивности миграционных потоков, объективно оценивая положительную, компенсационную роль мигрантов на местных рынках труда, занятие ими неквалифицированных и малооплачиваемых трудовых ниш. Тем не менее более трети членов диаспор настроены против мигрантов. Примечательно, что данные оценки оказались идентичными мнениям населения регионов, таким образом подчеркивая объективный характер данных трендов. Определяя свое отношение, диаспоры Алтайского края показали следующие ответы: относятся определенно за 10,5%, скорее за — 18,5%, скорее против — 41,1%, определенно против — 14,5%, затруднились

ответить 15,6%. Диаспоры Мурманской области показали следующие ответы: относятся определенно за 17,6%, скорее за — 35,3%, скорее против — 26,8%, определенно против — 6,6%, затруднились ответить 11,6%. Члены диаспор Псковской области показали следующие ответы: относятся определенно за 5,6%, скорее за — 25,4%, скорее против — 18,3%, определенно против — 31,1%, затруднились ответить 19,7%. Диаспоры Ростовской области показали следующие ответы: относятся определенно за 20,3%, скорее за — 34,6%, скорее против — 23,4%, определенно против — 4,1%, затруднились ответить 17,1%.

Члены диаспор Республики Алтай показали следующие ответы: относятся определенно за 7,3%, скорее за — 40,1%, скорее против — 34,5%, определенно против — 3,6%, затруднились ответить 14,5%. Диаспоры Республики Дагестан показали следующие ответы: относятся определенно за 5,3%, скорее за — 12,5%, скорее против — 21,4%, определенно против — 41,1% затруднились ответить 19,6%. Сравнительный анализ региональных результатов показал наиболее лояльное отношение со стороны диаспор к мигрантам в Республике Дагестан, Псковской области. Наименее лояльное отношение к миграции выявлено в Ростовской и Мурманской областях. В других исследуемых территориях члены диаспор отличаются полярностью мнений, что подчеркивает сложность и системность данного социального явления. Члены диаспор полагают, что надо поддерживать всех, кто желает приезжать на постоянное место жительства в Россию (32,9%), что значительно больше, чем по мнению населения регионов. Надо поддерживать въезд в страну для русского и русскоязычного населения, ограничивая въезд иных национальностей (15,4%), что в некоторой степени меньше, чем по оценкам населения. Необходимо поддерживать въезд молодых и образованных граждан (38,1%), что согласуется с ответами населения и занимает ведущий рейтинг среди всех ответов. Значимо поддерживать в первую очередь соотечественников разных национальностей до стран бывшего СССР, создавать условия для возвращения в страну (34,3%). Надо ограничить въезд в страну для всех категорий мигрантов, считает 6,2% членов диаспор, что значительно меньше, чем по оценкам населения. Другой вариант ответа выбрали 1,5%. Затруднившихся с ответом респондентов не выявлено. Позиция диаспор в отношении к данной проблеме отражает значимые и желаемые институциональные преобразования и объективную ситуацию, сложившуюся в изучаемых регионах в демографическом, экономическом, социальном контексте. Представители диаспор, которые видят позитивный потенциал миграции для России, полагают необходимым поддерживать всех, кто желает жить и трудиться в России. Лишь минимальная доля членов диаспор регионов настроена крайне негативно и считает важным ограничить въезд в Россию любых категорий граждан. Представленные нами выше тенденции реализуются подобным образом во всех изучаемых регионах. В Алтайском крае представители диаспор преимущественно считают (43,1%), что нужно поддерживать всех, кто планирует въехать в Россию. В Мурманской области мнение членов диаспор отличается полярностью. Считают, что нужно поддерживать всех, кто планирует въехать в Россию, 24,2%. Необходимость поддерживать русское и русскоязычное население полагают важной 9,1%. Актуально стимулировать въезд в регион моло-

дых и образованных — считают 42,4%. Необходимо поддерживать в первую очередь соотечественников, которые хотят вернуться, создавая для них благоприятные условия. Так считают 52,5%. Данный показатель максимален в указанном регионе. Нужно ограничить въезд для всех — 8,1%. В Псковской области диаспоры считают, что нужно поддерживать всех, кто планирует въехать в Россию (31,1%). Необходимо поддерживать русское и русскоязычное население, полагают 17,1%. Актуально стимулировать въезд в регион молодых и образованных (43,4%). Указанный результат преобладает в регионе по сравнению с другими территориями. Необходимо поддерживать в первую очередь соотечественников, которые хотят вернуться, создавая для них благоприятные условия. Так считают 26,4%. Нужно ограничить въезд для всех (2,8%). В области выявлено минимальное число членов диаспор, негативно настроенных к любым потенциальным мигрантам. В Ростовской области диаспоры примерно идентично настроены ко всем категориям мигрантов и считают, что нужно поддерживать всех, кто планирует въехать в Россию (36,3%). Необходимо поддерживать русское и русскоязычное население, полагают 36,3%. Актуально стимулировать въезд в регион молодых и образованных (30,7%). Необходимо поддерживать в первую очередь соотечественников, которые хотят вернуться, создавая для них благоприятные условия. Так считают 9,4% респондентов. В Республике Алтай диаспоры полагают, что нужно поддерживать всех, кто планирует въехать в Россию (40,1%), что преобладает среди других регионов. Необходимо поддерживать русское и русскоязычное население, полагают 10,2%. Данное мнение является минимумом среди изучаемых регионов. Актуально стимулировать въезд в регион молодых и образованных (45,1%), что преобладает среди всех территорий. Необходимо поддерживать в первую очередь соотечественников, которые хотят вернуться, создавая для них благоприятные условия. Так считают 40,3%. В республике не выявлено представителей, негативно настроенных к любым потенциальным мигрантам. В Республике Дагестан диаспоры считают, что нужно поддерживать всех, кто планирует въехать в Россию (36,4%), что значительно преобладает среди других регионов. Необходимо поддерживать русское и русскоязычное население, полагают 36,3%. Актуально стимулировать въезд в регион молодых и образованных (30,7%). Необходимо поддерживать в первую очередь соотечественников, которые хотят вернуться, создавая для них благоприятные условия. Так считают 9,1%. В республике не выявлено представителей, негативно настроенных к любым потенциальным мигрантам.

Таким образом, существует региональная специфика, которая проявляется в том, что в Мурманской области, Алтайском крае, Дагестане зафиксировано наибольшее количество членов диаспор, предлагающих государству ограничить въезд любых мигрантов. Следовательно, можно идентифицировать скрытый латентный потенциал интолерантного отношения к мигрантам в данных регионах. Более лояльно население к политике государства принятия мигрантов разного плана в Республике Алтай, Псковской и Ростовской областях. Можно сделать вывод о необходимости разработки дифференцированных механизмов регуляции миграционных потоков, которые могли бы быть востребованными для региональных рынков труда и компенсировать ожидания региональных диаспор. Мнение диаспор относитель-

но лояльности к мигрантам, нарушающим правила и законы, дифференцировано. Примерно каждый третий член национальных сообществ приграничных регионов (26,2%) настроен критически и предлагает выдворять таких мигрантов. Около половины членов диаспор (46,9%) предлагает легализовать мигрантов, оказывая им помощь и условия в соблюдении законов, принятых для приезжих в Российской Федерации. Выявлено, что треть членов диаспор (28,9%) затрудняется дать определенный ответ, акцентируя сложность и неоднозначность в отношении к проблеме миграции в принципе. Примечательно, что мнения членов диаспор о мигрантах-нарушителях отличаются значительно большей лояльностью по сравнению с оценками населения, что является ожидаемым в контексте изучения миграционных проблем.

В Алтайском крае диаспоры ответили, что нужно легализовать мигрантов-нарушителей (43,1%). Необходимо выдворять их, считают 34,9%. Затрудняются ответить 28,1%. В Мурманской области диаспоры ответили, что нужно легализовать мигрантов-нарушителей (46,1%). Необходимо выдворять их, считают 20,7%. Затрудняются ответить 33,1%. В регионе наибольшее число респондентов, не имеющих четкой позиции по данному вопросу. В Псковской области диаспоры ответили, что нужно легализовать мигрантов-нарушителей (46,9%). Необходимо выдворять их, считают 35,7%, что значимо больше, чем в других регионах. Затрудняются ответить 16,9%. В Ростовской области диаспоры акцентировали, что нужно легализовать мигрантов-нарушителей (38,2%). Необходимо выдворять их, считают 30,3%. Затрудняются ответить 31,5%. Данная когорта респондентов преобладает по сравнению с другими регионами. В Оренбургской области диаспоры акцентировали, что нужно легализовать мигрантов-нарушителей (83,3%). Данный результат максимально преобладает среди других территорий. Необходимо выдворять их, считают 9,7%. Затрудняются ответить 6,9%. В Республике Дагестан диаспоры ответили, что нужно легализовать мигрантов-нарушителей (51,7%), это мнение значительно превышает мнения в других территориях. Необходимо выдворять их, считает 19,2%. Данный ответ абсолютно минимален среди других территорий. Затрудняются ответить 29,1%. В Республике Алтай диаспоры ответили, что нужно легализовать мигрантов-нарушителей (62,3%). Необходимо выдворять их, считают 20,8%. Затрудняются ответить 17,1%. Таким образом, в региональном контексте, наиболее жестко настроены к мигрантам-нарушителям члены диаспор в Алтайском крае, Псковской, Ростовской областях. Наибольшую лояльность проявили члены диаспор Дагестана и Республики Алтай, Оренбургской области. Более трети всех членов диаспор ответили, что относятся к национальным анклавам скорее отрицательно (38,1%). Треть диаспор (34,6%) — негативно. Каждый десятый член диаспор (10,2%) скорее положительно, положительно (10,2%). Затруднилось с ответом 7,4% представителей национальных сообществ. Сравнительный анализ оценок населения и диаспор зафиксировал их ожидаемую большую лояльность к проблеме национальных анклавов. В Алтайском крае негативно относятся к районам повышенной концентрации проживания мигрантов около трети респондентов диаспор — 30,7%, скорее отрицательно — 42,4%. Десятая часть представителей диаспор, относится скорее положи-

тельно (5,1%) или положительно (5,1%). Затруднились ответить 10,9%. В Мурманской области негативно относятся к национальным анклавам мигрантов 39,8%, скорее отрицательно — 43,6% (что относительно выше, чем в других регионах), демонстрируя более жесткое отношение к данной проблеме. Незначительная часть членов диаспор относится скорее положительно (4,1%) или положительно (4,1%). Затруднились ответить 8,9%. В Псковской области негативно относятся к регионам скопления мигрантов 40,7%, скорее отрицательно — 49,5%, что максимально выше, чем в других регионах, демонстрируя резко отрицательное отношение к данной проблеме. Незначительная часть членов диаспор относится скорее положительно (5,2%) или положительно (5,1%). Затруднились ответить 4,7%. В Ростовской области негативно относятся к анклавам 32,9%, скорее отрицательно — 43,2%, что сопоставимо с другими регионами. Незначительная часть респондентов членов диаспор относится скорее положительно (8,2%) или положительно (7,0%). Затруднились ответить 12,2%. В Республике Алтай негативно относятся к анклавам 30,8%, скорее отрицательно — 37,1%, что отражает относительно высокую толерантность к проблеме по сравнению с другими регионами. Незначительная часть членов диаспор относится скорее положительно (8,3%) или положительно (8,2%). Затруднились ответить 16,0%. В Республике Дагестан также выявлено относительно более терпимое отношение к анклавам. Ответили, что относятся отрицательно, 20,5%, скорее отрицательно — 30,9%. Большая, чем в других регионах, часть членов диаспор относится скорее положительно (12,3%) или положительно (12,3%). Затруднились ответить 24,3%. В Оренбургской области негативно относятся к регионам скопления мигрантов минимальное число членов диаспор (0,7%), скорее отрицательно — 16,7%. Примерно каждый пятый член диаспор относится скорее положительно (23,3%) или положительно (20,5%). Затруднился ответить практически каждый второй член диаспор 45,3%. Анализ региональных результатов позволил выявить, что наибольшую нетерпимость к анклавам диаспоры проявляют в Псковской области, Мурманской, Ростовской областях, Алтайском крае. Полученные результаты согласуются с другими выявленными тенденциями и позволяют прогнозировать наличие скрытых межэтнических проблем в данных регионах. Наиболее толерантно наличие районов с высокой концентрацией мигрантов воспринимают в Республике Алтай, Дагестане. Представители диаспор определили востребованность видов помощи мигрантам. Помощь в изучении русского языка иностранцами, членами их семей — 46,5%. Борьба с правонарушениями — 26,1%, взаимное знакомство с культурой этносов — 34,3%, развитие официальных отношений со странами-донорами — 29,6% и пр. Минимальная часть членов диаспор (3,8%) полагает, что нет необходимости ничего предпринимать в отношении мигрантов, что подчеркивает понимание социальной значимости интеграционных и адаптационных мероприятий. Примечательно, что полученные результаты акцентируют гораздо более выраженную необходимость всех мероприятий по сравнению с мнением населения регионов. Однако члены диаспоры в 2 раза менее необходимыми считают мероприятия, направленные на борьбу с правонарушениями в области миграции. Таким образом, зафиксировано несоответствие оценок населения и членов диаспор в контексте опасностей и рисков,

связанных с миграцией, что, возможно, отражает стереотипность мышления у населения или недооценку реальных опасностей у представителей диаспор, их веру в законопослушное поведение своих представителей в принимающих регионах. Выявлена определенная региональная специфика ответов членов диаспор о востребованной помощи мигрантам. Так, например, в Алтайском крае наиболее востребованными направлениями являются обучение русскому языку (43,9%) и знакомство населения и мигрантов с культурой (31,8%). В Мурманской области наиболее значимыми являются обучение русскому языку (45,7%), борьба с правонарушениями (36,3%), а также знакомство с культурой, обычаями, ценностями вновь прибывших мигрантов (32,1%). Для Псковской области значимо знакомство с культурой населения и мигрантов (34,1%), развитие многосторонних добрососедских отношений регионов доноров и реципиентов (28,0%). В области каждый третий респондент диаспор затрудняется ответить (31,4%). Члены диаспор Республики Алтай отмечают актуальность помощи в обучении русскому языку (53,9%), в получении жилья (44,6%), развитии оптимальных и взаимовыгодных отношений между странами (48,7%), знакомство населения с культурой народов (69,5%). Ответы членов диаспор в Дагестане актуализируют помощь в обучении русскому языку (34,9%), защиту интересов и прав мигрантов (28,7%) и пр. Члены диаспор Ростовской области в равной степени считают значимыми почти все направления помощи мигрантам. В сознании представителей диаспор присутствует четкое понимание идентификационной роли диаспор в интеграции мигрантов в регионах. Каждый второй член диаспор (45,3%) полагает, что диаспоры являются важным социальным институтом, значительно оптимизирующим адаптацию приезжих. При этом каждый четвертый (20,6%), считает, что диаспоры не играют роли. Около (24,2%) респондентов затрудняются в определении роли диаспор. Каждый десятый член диаспор (9,6%) не видит социализирующей роли диаспор в регионах прибытия и отмечает негативное, дезинтегрирующее значение диаспор для мигрантов. Примечательно, что в сравнении с ответами населения члены диаспор значительно больше актуализируют позитивную роль данного общественного института, основанную на более полном понимании роли диаспор в любом современном социуме мира. Представители диаспор оптимистично оценивают роль данного социального института в Алтайском крае (40,7%), Ростовской области (49,4%). Акцентируют незначимую роль диаспор в большей степени представители Дагестана, Республики Алтай. Считают, что при определенных условиях диаспоры могут препятствовать интеграции, в большей степени в Псковской области и Республике Алтай, Оренбургской области. Однако, по сравнению с ответами населения регионов, члены диаспор значительно более высоко оценивают роль и значение национальных и этнических сообществ. И это знание, как правило, основано на практическом опыте работы по адаптации и интеграции мигрантов в регионах российского приграничья.

Заключение

В условиях глобального роста взаимозависимостей государств традиционная конкурентная логика меняется на перспективу роста выгоды стратегии межна-

циональной солидарности. Этнополитический контекст анализа диаспоральности требует изучения специфики взаимодействия государственно-организованных сообществ с этнокультурными объединениями, так как диаспоральность становится значимым надгосударственным феноменом. Представленные в статье результаты изучения адаптационного и интеграционного потенциала диаспор призваны инициировать выработку эффективных и оптимальных направлений общегосударственной и региональной национальной политики в современном российском обществе. Новые этнические диаспоры приграничных регионов России становятся системообразующим компонентом в этнополитическом менеджменте.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гринблат Ж.А. Иммиграционные сценарии для стареющей Европы. Отечественные записки, 2004. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=914>.

Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Максимова С.Г., Авдеева Г.С. Современные вызовы безопасности: оценка риска подверженности экстремистским и террористическим угрозам в условиях региональных социумов. *ВВ: Национальная безопасность*, 2012. № 1. С. 213-254.

Тотолян Х. Диаспора как актор международных отношений в XXI веке на примере Армянской диаспоры. *Евразийский союз ученых*, 2015. URL: <http://euroasia-science.ru/politicheskie-nauki/diaspora-kak-aktor-mezhdunarodnyh-otnoshenij-v-xxi-veke-na-primere-armyanskoj-diaspory>.

Трофимова Т.И. Феномен транзитной миграции. *Известия Иркутской государственной экономической академии*, 2010, № 5, 18–28.

Черепанова М.И., Неваева Д.А., Щеглова Д.К. Теоретические подходы к анализу онтологической природы этничности. В кн.: *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. Барнаул, 2015. С. 48–53.

Черепанова М.И., Неваева Д.А., Щеглова Д.К. Многообразие этнической идентичности в современном обществе. В кн.: *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*. Барнаул, 2015. С. 266–270.

Черепанова М.И. Гражданская идентичность населения Алтайского края: точки интеграции и дестабилизации. *Гражданская идентичность, социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции*. Барнаул: Концепт, 2015. С. 32–36.

Черепанова М.И., Сарыглар С.А. Социальный потенциал межнациональной напряженности населения Алтайского края. В кн.: *Ломоносовские чтения на Алтае-2015. Сборник материалов международной научно-практической конференции*. Барнаул, 2015. С. 3348–3349.

Черепанова М.И., Максимова С.Г. и др. Региональные аспекты национальной безопасности: оценка межэтнической напряженности в приграничных территориях России. *ВВ: Национальная безопасность*, 2016, № 3, 369–380. DOI: 10.7256/2073-8560.2016.3.17207

- Brubaker R. The 'diaspora' diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, 2005, No. 28: 1–19.
- Connor W. *Ethnonationalism: A quest for understanding*. Princeton, 1994. 226 p.
- De Haas H. Migration and development: A theoretical perspective. *International Migration Review*, 2010, No. 44, 227–264.
- Clifford J. Diasporas. *Cultural Anthropology*, 2014, No. 9, 302–338.
- Kleist N. In the name of diaspora: Between struggles for recognition and political aspirations. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2008, No. 34, 1127–1143.
- Raghuram P. Which migration, what development? Unsettling the edifice of migration and development. *Population, Space and Place*, 2009, No. 15, 103–117.
- Safran W. () Diasporas in modern societies: Myths of homeland and return. *Diaspora*, 1991, No. 1, 83–99.
- Sinatti G, Horst C. Migrants as agents of development: Diaspora engagement discourse and practice in Europe. *Ethnicities*, 2015, 15(1), 134–152.

REFERENCES

- Grinblat, J.A. (2004). Immigracionnye scenarii dlya stareyushchej Evropy [Immigration scenarios for an aging Europe]. *Otechestvennye Zapiski* [Annals of the Fatherland]. Available at: <http://www.strana-oz.ru/?numid=19&article=914>.
- Noyanzina, O.E., Goncharova, N.P., Maksimova, S.G., Avdeeva, G.S. (2012). Sovremennye vyzovy bezopasnosti: oценка riska podverzhennosti ehkstremistkim i terroristicheskim ugrozam v usloviyah regional'nyh sociumov. [Contemporary challenges to security: estimating risks of vulnerability to extremist and terrorist threats in the conditions of regional societies]. *NB: Nacional'naya bezopasnost'* [Security Issues], no 1, pp. 213–254. doi: 10.7256/2306-0417.2012.1.92.
- Totolyan, H. (2015). Diaspora kak aktor mezhdunarodnyh otnoshenij v HKHI veke na primere Armyanskoj diasporj [Diaspora as an actor of international relations in the XXI century on the example of the Armenian diaspora]. *Evrazijskij soyuz uchenyh* [Eurasian union of scientists]. Available at: <http://euroasia-science.ru/politicheskie-nauki/diaspora-kak-aktor-mezhdunarodnyx-otnoshenij-v-xxi-veke-na-primere-armyanskoj-diasporj>.
- Trofimova, T.I. (2010). Fenomen tranzitnoj migracii [The Phenomenon of transit migration]. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ehkonomicheskoy akademii* [Bulletin of Baikal State university], no 5, pp. 18–28.
- Cherepanova, M.I., Nevaeva, D.A., Shcheglova, D.K. (2015). Teoreticheskie podhody k analizu ontologicheskoy prirody ehtnichnosti [Theoretical approaches to the analysis of the ontological nature of ethnicity]. In: *Sociologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo* [Sociology in the modern world: science, education, creativity]. Barnaul, pp. 48–53.
- Cherepanova, M.I., Nevaeva, D.A., Scheglova, D.K. (2015). Mnogoobrazie ehtnicheskoy identichnosti v sovremennom obshchestve [The Diversity of ethnic identity in modern society]. In: *Sociologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo* [Sociology in the modern world: science, education, creativity]. Barnaul, pp. 266–270.

Cherepanova, M.I. (2015). Grazhdanskaya identichnost' naseleniya Altajskogo kraja: tochki integracii i destabilizacii [The Civil identity of population of the Altai territory: integration points and the destabilization]. In: *Grazhdanskaya identichnost', social'naya integraciya i razvitie ehtnokul'tur v evrazijskom prostranstve: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Civil identity, social integration and development of ethnic cultures in the Eurasian space: materials of the international scientific conference]. Barnaul: Concept, pp. 32–36.

Cherepanova, M.I., Saryglar, S.A. (2015). Social'nyj potencial mezhnacional'noj napryazhennosti naseleniya Altajskogo kraja [Social potential of ethnic tensions of the population in Altai region]. In: *Lomonosovskie chteniya na Altae-2015. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Lomonosov readings in Altai-2015. Collection of materials of international scientific-practical conference.]. Barnaul, pp. 3348–3349.

Cherepanova, M.I., Maksimova, S.G. et al. (2016). Regional'nye aspekty nacional'noj bezopasnosti: ocenka mezhehtnicheskoj napryazhennosti v prigranichnyh territoriyah Rossii [Regional Aspects of National Security: An Assessment of Interethnic Tensions in the Border Territories of Russia]. *Security issues* [NB: National Security], no 3, pp. 369–380. DOI: 10.7256 / 2073-8560.2016.3.17207.

Brubaker, R. (2005). The 'diaspora' diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, no 28, pp. 1–19.

Connor, W. (1994). *Ethnonationalism: A quest for understanding*. Princeton, 226 p

De Haas, H. (2010). Migration and development: A theoretical perspective. *International Migration Review*, no 44, pp. 227–264.

Clifford, J. (2014). Diasporas. *Cultural Anthropology*, no 9, pp. 302–338.

Kleist, N. (2008). In the name of diaspora: Between struggles for recognition and political aspirations. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, no 34, pp. 1127–1143.

Raghuram, P. (2009). Which migration, what development? Unsettling the edifice of migration and development. *Population, Space and Place*, no 15, pp. 103–117.

Safran, W. (1991). Diasporas in modern societies: Myths of homeland and return. *Diaspora*, no 1, pp. 83–99.

Sinatti, G., Horst C. (2015). Migrants as agents of development: Diaspora engagement discourse and practice in Europe. *Ethnicities*, 15(1), pp. 134–152.